

Шри Ауробиндо

Стихотворения 1890 — 1900

Песни к Миртилле

Главк:

Ночь сладка, сладка и холодна
Как к жаждущим губам прильнувшая волна,
Сладка, когда попрятались цветки,
Лишь лунные струятся ручейки
Подобно светлячкам в лесу молчащем,
Чтоб с одиночеством общаться в чаще.
Когда земля наполнена шуршанием, когда
Умолкли голоса, как будто навсегда,
Лишь высшего неведомая сила
Невидимым повсюду наследила,
Когда над кронами деревьев могучих
Ночь возлегла на лучезарной туче,
А мелодичный бриз поет все время,
Скрываясь в сумраке причудливых деревьев,
Тогда приятно предаваться неге
С луною ясной в слушающем небе.

Этон:

Но слаще день, и утра свет
Звезд тусклое сиянье свел на нет.
И будит ранняя роса
Цветы, открывшие глаза.
О как приятно заново родиться
И воздухом незрелым, девственным и сладким насладиться!
Мелодии зари прелестны:
Шуршанье крыльев, шепот леса,
На крышах птичье щебетанье,
В зеленых кронах птиц порханье,
Пастушья флейта среди стад,
С вершин спешащий водопад,
О сладкие часы! О сладкие мгновенья!
О звуки сладкие, цветов дневное наслажденье!
Блаженство — утро, золотым покоем день отмечен,
И сердце биться чаще заставляет вечер.

Все вещи ощущают благодать,
Но три — особенную сладость:
Бриз, в небеса влекомый,
С планетами знакомый,
Зеленая весна с цветущей правдой
И сердце юности отрадной.

Для всех — цветов цветенье,
Дневного ветра пенье,
А ночью в океане
Он спит в густом тумане.
Подобно танцовщице море
В жемчужном и сапфировом уборе.
Утром роса и солнечный свет
Жизни готовят новый расцвет.
Год — лишь цветов маскарад:
Света и песен, и ливней парад.
С приливом прилетает птица снова,
Чей щебет — лишь одно магическое слово,
Одно лишь слово, что способно принести
Ветвей зеленый цвет и радости весны.
Лето имеет прекрасных друзей:
Лилий и роз, и приветливый шелест ветвей.

Главк:

Но кто в апреле тратит время зря,
Забыв про увяданье ноября?
Тогда уж нет цветов
И радостных часов.
И с веток, пораженных тягостным недугом,
Слетают листья неохотно друг за другом.
И сердце переполнено страданьем,
И шум дождя становится рыданьем,
И зелень отступает,
И песнь умолкает.
И умирает лета радость,
Приливов и цветов былая сладость.
Не слышен смеха звон,
Все превратилось в стон.
Ценители земли одежды прежней,
Покровов красоты, накинутых небрежно,
Где вы теперь? Где бабочка? где птица?
И песнь ваша почему не длится?
Земли краса растрочена, очарование прошло,
И вы надеетесь, что повториться все должно.
Когда потерян юностью ее волшебный свет,
Все остается прежним, но восторга больше нет.

Этон:

Ах, на минуточку оставим позади
Гадеса и его суровые пути.
Забудем прошлого и будущего лик,
Ведь жизнь — это только краткий миг.
Ты б лучше научился у фиалки
Дарить цветенье нежное, ее часы столь жалки,

У колокольчика — у девы неприкрытой,
Чье время убегает как песок сквозь сито,
У наперстянки, маленькой травы,
У чабреца, помощника пчелы.
Взгляни на ящерицу
С пятнами на спине
На обласканной солнцем стене.
А вот, смотри на землю:
В клубок свернувшись, змеи
В розовом вереске прячутся.
Теперь сюда гляди:
На розу губ летит
Пчела к тебе, прекрасна,
И шепчет сладострастно,
Забыв про чабреца.
Предвиденьем конца
Не омрачай свой радостный расцвет,
Живи подобно им, не зная бед!
Когда же свой растратишь аромат,
Тогда, поверь, тому ты будешь рад,
Что наслаждался в жизни всем,
И радости игру оставишь насовсем,
Листок, что развлекался с каждым солнечным лучом,
Листок, что с каждым ветром заплутавшим был знаком.

Главк:

Как многочисленны твои создания, земля!
Вот роза распустилась в свете дня,
Как будто бы волшебное сиянье
Весеннее даря благоуханье.
Ветра и солнечные блики, росы и шмели
Ее ласкают, полные любви,
Ловя ее прекрасное дыханье.
Вся жизнь ее — одно в любви купанье.
С ней вместе целый мир благоухает.
Ветрам любовь раздав, она, вздыхая, умирает.
Жизнь лилии чиста,
Но любит и она,
Блаженству отдана.
И в поисках любви
К ней пчел летят рои,
Для них она проста.
А вот подснежник холодный
Дает обет благородный.
В любви он радость не находит
И в одиночество уходит.
Весеннему долгу верный
Цветет первоцвет первый.
Крокус не жаждет весну получить,
И первые солнца лучи

Одаривают жимолость богатым даром,
И летний лунный свет ей достается даром.
Так дети многоликие земли
Имеют все характеры свои:
Одни — горды, другие — сладострастны,
И многие из них любви подвластны.

Любовь по морю шла,
Когда меня нашла.
Багряным был оттенок крыл,
А голос столь приятен был.
Ее глаза и облик весь
Несли с собой печали весть.
Ее прекрасных губ черты
Напоминали мне цветы.
Из кипарисовых ветвей
Венок чудесный был на ней.
Прекрасна как сама весна,
Печальна как зимой волна,
Приятна словно асфодель,
О лилия! О Флоримель!
Ты — сердца верного услада,
Тепло моей зимы и лета моего прохлада!

Эгон:

Не на морской волне
Любовь явилась мне.
Нашел я словно клад
Ее счастливый взгляд.
Она пришла шутя,
Беспечное дитя,
Подобна розе красной,
Торжественно прекрасной,
С дыханием ветров,
С гирляндами цветов,
Когда передо мной возник
Прекрасной Цимотеи лик.
Чей смех как света луч,
Что бродит среди туч
И в сумрачном лесу
Вдруг режет полосу.
Но будет ли свет этот милый
Рядом с серебряным светом Миртиллы?
Подобен он свету огня
В сиянии солнечном дня.
Вас сравнивать друг с другом
Что можжевельник с дубом,
Великолепье розы
И простоту мимозы,
Бессмертное благоуханье

И мимолетное дыханье.

Главк:

Но Флоримель перед тобою
Бледнеет как свеча пред утренней зарею.
У ног твоих подснежник расцветает,
И словно полная луна чело твое сияет.
Ты словно пруттик ивовый хрупка,
Так призрачна и так легка
И вместе с тем сильна как устремленный бук.
Волшебны ласки тонких белых рук,
Для поцелуев созданы уста,
И глаз твоих прелестна красота.
С кем может сравнивать тебя поэт?
С богиней морей, с царицею планет?
Золотокудрую, с улыбкой на губах.
Ты на сестер своих наводишь страх
И заставляешь их скитаться вдалеке.
Иль ты — сирена на морском песке,
Поющая чудесным голосом, пока
Не соблазнишь обманутого ветром моряка?
Ах нет, они с тобою не сравнятся!
Прекрасней ты сокровищ, что в морях хранятся,
Создание нездешней красоты,
Наяда призрачной мечты,
Нагая, не доступная для взгляда,
Танцующая средь дубов дриада.
Творения чудесней не было на свете
На протяжении бесчисленных столетий.
Твоя затмила Граций красота,
И от любви пылают алые уста.

Совершенствуй движение свое

Вечно во мне совершенствуй движение свое,
Владыка ума!
Серый мой мозг освещает сиянье твое,
Светоч и тьма
Связаны вместе тобой, мир и покой
Ты сочетаешь мыслью своей золотой,
Нитью письма.

Плоскость ума ты сделал своею тетрадкой,
Мой Господин!
В ней ты себя изливаешь украдкой,
Или один
Вдруг рассмеешься, силой своей вдохновленный,
Лист разорвешь и снова начнешь, опьяненный
Радостью творческих вин.

Фазтон

О тополя, рыдающие на отлогом склоне,
С полян прибрежных наклонившись к водам,
Над вами сумерки, подобны черным сводам,
Плотней смыкают мрачные ладони,
Скажите, отчего предались вы невгодам,
Зачем слезам стекать по вашей кроне,
Зачем искать отдохновенья в стоне?

Быть может оттого, что все сильнее
Златая Осень, увядания эстет,
Торжественная смерть прекрасных лет
Вам досаждает близостью своей,
На ваших мхах слезы янтарной след,
И скорбное качание ветвей
Слагает реквием последних ваших дней.

Почитателю

I

Возможно, мой никчемный стих,
И песнь моя проста,
И жизнь моя пуста,
Поскольку ты увидел в них
Лишь грубых образов игру,
Нездешних птиц услышал зов,
Незрелых звуков кутерьму
И немоту любимых слов.

Ты заявляешь без прикрас,
Что я — не маг и не пророк,
И не звезды зловещей рок,
Не гром, не Божий Глас.
Ты говоришь, мне негде взять
Ни пламенного знания,
Ни слов, способных зло изгнать,
Ни сладкого желанья.

Не Байрона — мое копье,
Не Вордсворта — прозрачность,
Не Шелли — многозначность,
И слово Китса — не мое.
Влеком индийскою волной,
Затмил я прошлое собой,
Игрой на дудочке своей
Короблю эхо прошлых дней.

II

Мой друг, когда мой дух впервые ощутил свободу,
Я из исхоженного лабиринта выйти смог.
Блуждая мириадами Фантазии дорог,
Я словно книгу изучал Природу,
В которой люди ищут смысл, но я узнал,
Что мертвой буквы нет в цветах,
И ветер мне мораль не прочитал,
И я не разглядел нравоучения в снегах.

Мне маргаритка как звезда,
А крокус для меня
Как золотой рожок огня,
Нарцисс — как ясная слеза.
Дыханье золотое Бога, первоцвет,
Считаю я наследием поэта,
А лилий серебристый цвет —
Благоуханием его сонета.

Не Солнцу славу я пою,
А сумраку ночей,
Невзрачный соловей,
Не зная, почему, поющий песнь свою.
Он льет вино прекрасных нот,
Пытая звуками свой нежный рот,
Поющий песнь свою, не ведая, к чему,
Не умолкая ни на миг — иначе смерть ему.

Эстель

Твои глаза, Эстель, глядят,
Как в небе сестры их горят.
Но рассмотреть не в силах небеса
Твои прекрасные глаза.
Планеты слепо бороздят пространство,
Разыскивая счастье тут и там.
Моя земля слагает гимн твоим молодым летам,
Мой дух — твоих несметных солнц убранство,
Распахнутых подобно пламенным вратам.

О суета

О суета, весны посланник сладкий,
Оставь свой радостный призыв и плач оставь.
Они напоминают мне побегу молодые,
Осоки нежный цвет, душистые ветра,
Листвы зеленой счастье, тишину,
Природу, воплощенную в деревьях...
Одна река журчала, и жужжал
Неспешный шмель, натруженный и вялый,
Нашедший рай в благоухании, и вяхирь
Свою божественную песнь пел.
О как приятен сердцу моему твой голос,
О суета в очнувшихся ветвях.

Но для меня блаженство обернулось горькими слезами!
Но для меня стремительная радость, что дороже жизни,
Всего лишь краткий продолжалась миг! О чудный день,
Венчающий блаженство тех прекрасных лет!
Сияние моих влюбленных губ
Подобно розе увядающей померкло.
Его был голос слаще шепчущей листвы,
Его любовь меня, подобно воздуху весеннему, повсюду окружала.
Лишь пять часов запутались в ловушке суеты,
Когда возлюбленного голова лежала на груди моей счастливой.
О голос слез! О радость, призывающая смерть!
О боль, пришедшая, когда еще не смолкли звуки смеха!

О глас весны неумолкающий! Я вновь лежу
В тени благоухающих деревьев, рядом
Невидимый щебечет жаворонок в молодой листве,
Древесный червь настойчиво взбирается по ветке —
Ты водами, влекущими тебя,
Быть можешь успокоен, ведь тебе
Заря приносит сладкое вознаграждение за слезы,
Она, твоя любимая, утешит боль твою.
А я одна осталась в сердце плодоносных дней,
Я овдовела пред лицом удачи.
Разносится мой стон бездомными ветрами.
О суета, я плачу по тебе.

Ніс Јасет*

Гласневинское кладбище

Взгляните, патриоты, на свою награду!
Вот человек, отдавший жизнь за правду.
Чью мать измучили, унизили, казнили.
Чей дом непрошеные гости посетили.
Взгляните на нее! Теперь она,
Ужасна и себе верна,
Неистово метает громы —
Сама Паллада с головой Горгоны!
Ее могущество прошло? Закончилось виденье?
Она сама свое растратила везенье?
Но не напрасно все, и может повториться
Все то, чему уж довелось случиться.
И вот она вновь силу обретает,
Подобна богу, к небесам взывает,
Румянец битвы на ее щеках,
Могучим голосом она наводит страх
Как Сфинкс, который ждет ответа,
Скрывая часть великого секрета.
А он, ее из пепла возродивший,
Среди ее богатств остался нищий.
Где он теперь? Каким владеет тронем?
Сердцами чьими правит? Только стоном
Он награжден Ирландией своей
Да каменной плитой — венцом достойных дней.

* Здесь лежит (лат.) — начало эпитафии. (Прим. пер.)

Строки об Ирландии

1896

Уже ль настойчивых шесть сотен лет
Теперь Судьбою сведены на нет?
Столь много лет борьбы, столь много лет
Трудов тяжелых, горьких слез, побед.
Она вела религиозную войну.
Судьба и орды не могли сломить страну,
Способную сражаться и держаться.
Божественность могла в ней отражаться.
Она была богинею самой!
В ней нации с поверженной судьбой
Прекрасный образ зрели мятежа,
А не объект чужого дележа.
Порабощенных наций зеркало, она
Была захвачена, но не побеждена.
О переменчивость людских заслуг!
Как изменен, как пал ее нетленный дух!
Она была Ирландией. Ирландия погибла!
Судьба английской нищенки ее постигла.
Теперь она, презренная, валяется у двери,
Тому лишь рада, что ее призрели.
Она, которая вчера еще не ведала позора,
Не отводя от славной цели взора.
Неужто несколько величественных дней,
О мать и нянька героических людей,
Твой неизменный гений износили,
Приверженность бесстрашию и силе,
Разрушили неистовства природу?
Но нет, не время — ты растратила свободу.
Поскольку силе не дано чужой,
Враждебным звездам, испытанию войной —
Что б злые языки ни говорили —
Повергнуть нацию, предать ее могиле.
Ведь люди — не безмолвные рабы,
А повелители, творцы своей судьбы.
Копать им яму, им же миром править.
И ты сама теперь должна себя исправить.
Несчастливая страна, будь мудрой, наконец!
На вид слаба, могучих дел творец,
Что потрясают изумленные народы.
Невидимый, всесильный дух свободы
Тобою изнутри повелевает
И слабости твои одолевает.
Вот то, что делает тебя благословенной
И наделяет санкцией священной.
Могла бы ты работою своей
Равняться с гордостью и властью королей.
Но ты теперь сама себе не внемлешь,

Божественную помощь не приемлешь.
Ты прошлое свое в легенды обратила,
Где лишь жестокость грубая и сила.
Что ж мудрость и умение направить
Все помыслы в одно должны тебя оставить.
Благая цель с работою тяжелой
Не уживутся вместе с самозваной сворой,
Способной победить лишь мертвеца,
Своими рассуждениями глупца
Коробящей почтенный слух, но редко кто откажет
Себе в желании узнать, что глупость скажет.
Равняет с гением себя дурак, но Бог,
Смеясь, ему подводит свой итог
В аду вещей ненужных и пустых.
Как пала ты в руках властителей таких!
Ничтожные сердца в руины превратили
Свою страну и по миру пустили.
Так небеса, отвергнув свой удел,
Нисходят до обычных ртов и тел.
А те подобно сборищу менял
Твой променяли высший идеал
На выгоды свои, но было б это бремя
Немыслимо, когда б на время
Твой гений силу бы обрел, оно
Страстям разнuzданным и низменным дано.
Так древле против войск ефратских
Горсть слабых ионийцев вышла драться.
Но быстро от сражения устав,
На азиатский брег оружие побросав,
Они под сень олив зеленых побежали.
Радетели свободы, хорошо вы знали,
Что труд тяжел и требует старанья,
И все же не прошли вы испытанья.
Ирландия надежды мира обманула,
Главу свою пред лавром не нагнула,
Скорее, пред врагом, страданием, неволей,
Гражданскою войной. Божественною волей
Произнесенный не услышан был приказ.
Поэтому душа ее сейчас
В Гласневине нашла успокоенье.
Но вечного ума суровое стремленье,
Отвергнутое человеком, цену заплатило
И в небесах свободу все ж вкусило.
Высокой славы призрак неизменный,
Горюешь ли ты там, о дух нетленный,
Неблагодарность прощена ль тобой,
Доволен ли небесною судьбой,
Столь много претерпев трудов, сражений,
Столь много испытавший поражений,
Холодного отчаяния и солнечной надежды,
Уже ль истлели твоего величия одежды,
Униженный и цели не достигший,

Своих трудов земных не завершивший?
Так вечно происходит с расой побежденной,
На рабство долгое судьбою осужденной,
Презрен спаситель их, душа, свобода,
Но подлость им зато верна до гроба.
Так древние Израиля сыны,
Своей свободе не сложив цены,
Их спасшего продали в рабство
И разделили меж собой богатство.
С душой своей ты также поступила,
В разрушенный свой дом отчаяние впустила,
Крушенье с пораженьем призвала
И темной силой их творила низкие дела.
Такое было время. Так Геракл
В изгнаньи за морями плакал,
Не видя Феба и других богов,
Блуждал глазами вдоль чужих берегов.
Однако не оставленные небом благородные мужи
Тебе без видимой награды призваны служить,
Ни славы не ища, ни почитанья.
Ни радости, ни горькие страданья
Их не заставили склониться пред неправдой.
Скорее, смерть была для них наградой.
И ты, о дух высокий, мощный гений,
Деяния наполнишь новых поколений,
Чтоб и они могущество вкусили
И вдохновенья твоего испили.
Но не одной своей страной ты будешь призван —
Любой высокою натурой признан,
Когда бы, где бы время ни назрело,
И ненависть людская ни прозрела
И ни признала угнетения обиду.
Поскольку приближает Немезиду
Несправедливость, ею рождены
В поверженных народах страшные сыны:
Обман, тщеславие, безумие, насилие, презренье.
Тогда глаза от боли обретут прозренье,
И смелый твой призыв услышат уши,
Придут отлитые в божественную форму души
И вознесут тебя над тронами людей,
И ты возглавишь новую династию царей.

Чарльз Стюарт Парнелл

1891

О бледный свет звезды, теперь ты неизвестен.
Освободитель, ранее почтенный, ибо палачам
Ты ненавистен был и страшен, страшен, оттого и ненавистен,
Кто их предал своим отточенным мечам!
Ты тоже сыном был трагической земли,
Который понапрасну прожил дни свои.

Ночь на море

Знай, Любовь, секундам счет!
Ночь в душе моей растет.
Красоту свою упрячь
В мрак ее и горький плач.
Поцелуй не восхищает —
Мысль душу похищает.
Обжигающие взоры
Невозможны, пали шоры.
Словно голуби они
Над источником Любви.
Ярче тьма, в седом дозоре
Пена на тревожном море.

В этом отдыхе садов,
В свете пламенных цветов,
В золоте нарциссов мягких
Иль среди кадилъниц ярких —
Гроздьев жимолости нежной,
Чье дыхание безбрежно,
Здесь, где лето утвердило
Тишину средь звуков мира,
Здесь, Эдит, не место горю.
Ты прислушивайся к морю.

Отчего же голос горя
Здесь тревожит счастье моря?
Ветр, что все в себя вмещает,
Море-сплетник посвящает
В тайны всех сердец разбитых,
В радостных годах сокрытых.
Дети лета, что мы спорим
С мрачным и суровым морем?

Нет, не только нам знаком
Океана грозный стон.
В этом доме из цветов,
В тайной сладости часов
Многих девичьи уста
Медом, что дала весна,
Напоили, нежных щек
Много пыл любви зажег.
Многим юноша прекрасный
Объяснялся, сладострастный,
Алы губы целовал,
Путь к блаженству открывал.
Здесь увидели они
Вечер, что зажег огни
Звезд упорных в небесах,
Бдящих на своих постах,

Моря буйное стремленье,
Здесь они узнали пенье
Быстрой плещущей волны
И полуденной пчелы.
Все прошло. И больше нет
Розы, чей волшебный цвет
Им гирляндой славы стал
И подошвы целовал.
Свет весны давно погас,
И зимы уж слышен глас.
Дар красы и безмятежность,
Сладких губ медовых нежность,
Щек румянец, край Любви,
Жар, пылающий в груди —
Все отвергнуто весной,
Став обманутой мечтой.
Имя, чье произнесенье
Как дорийской музыки пенье,
Что способно оживить
И цветенье подарить
Тем, кто страстно повторяет
Эти буквы, умирает.
Кто мы, если не цветы?
Наши дни уж сочтены?
Можем ли, с годами споря,
Стать безбрежными как море?

Может быть они исчезли
В адском пламени и бездне?
Им теперь одна отрада —
Проходить кругами ада?
Где теперь они блуждают?
Их чащобы окружают
Там, где солнце не встает,
Лотос счастья не цветет?
Где бы ни были они,
Все же им друзья верны.
Леты воды их забрали.
Памятью они все ж стали.
Платит смертью красота
За прекрасные лета.
Только память есть, и вскоре
Мы исчезнем, как и море.

Потеряем мы, увы,
Молчаливый блеск луны
И сияние ночное,
Свет вечернего покоя,
Не доставит нам восторг
Озарившийся восток,
Ветра не услышим песнь,
Что весны приносит весть.

Никогда нам не лежать
Под ветвями, не бежать
Под дождем и на просторе
Никогда не слушать море.

Поцелуй рассеет мрак —
Мысли, что наводят страх.
Поцелуй меня, Эдит.
Скоро ночь, ей свет претит.
Дети мертвые Природы
Жизни вновь вкушают воды,
И сиянье в небесах
Вновь горит в земных глазах!
Пусть Любви долги тобой
Мне оплатятся с лихвой.
Миллион с тебя, спеши,
А не то в ночной тиши
День закончится, а там
Вечный сон придет и к нам.
Вот луна уж засветилась
И по небу покатилась.
Сердца двери мне открой,
Я пребуду там с тобой
Как цветок индийской розы,
Что дождя настигли слезы,
Рядом с тем, что жизни мило,
Что Природа сотворила,
Пребывая вечно в споре
С мыслью, что тревожит море.

Увиденное

Она в своем саду уснула, рядом — серая стена.
Береза, состраданием полна,
Раскинула над ней шатер своих ветвей
И запретила Солнцу любоваться ей,
Ему не оставляя никакой надежды.
Не шелохнулись даже легкие одежды.
Неслышно крался ветер, облако внимало,
Листва на дереве таинственно шептала,
И, охраняя тишину прекрасных грез,
Сидел на ветке молчаливый дрозд.

Отчаяние влюбленного

О жалобно поющая свирель,
Небесный свой язык освободи,
Издай свою божественную трель,
Созвучную тоске в моей груди.
Ты выросла в серебряной воде,
Аркадский Пан учил тебя игре,
В прекрасны губы нежно целовал
И звуки слаще речи издавал.

О жалобно поющая свирель,
О том, как Низа Мопсу отдана,
Чернявой ночи — бледная луна,
Поведай мне теперь игрой своей.
Кому дары любви надежда принесет?
Прекрасный дом царя, скорее, обойдет.
Теперь уже сорняк повенчан с розой,
Обычный плющ с волшебною мимозой.
Возлюбленный счастливый, что ж, вкушай блаженство!
Возлюбленный счастливый, пей земное совершенство!
К тебе золотая Цинтия явилась,
К тебе звезда с Небес, увы, спустилась.

О жалобно поющая свирель,
Прошу, утешь, утешь меня скорей.
Я думал бархата Любовь нежнее
И ветра слез — росы ночной вкуснее,
Прохладна как вода из горного ручья
И как фиалка, что в траве, ничья.
Но холодна она как сердце гордой Низы,
И к морю горьких слез ведут ее капризы.

О жалобно поющая свирель,
Однажды утром с пением ветров
И с ароматом сладостным цветов
Она пришла как вешняя капель.
И попросила сочные плоды,
Что осень сохранила до поры.
Я дал ей сладких яблок золотых
И груш чудесных, соком налитых,
И проследил, чтоб все прекрасным было,
Но странное желание меня смутило,
И сердце, полное любви своей,
Я вместе с блюдом сочным подал ей.

О жалобно поющая свирель,
Она подарка этого гнушалась
И над сердечной мукой потешалась,
И предо мною с легкостью закрыла дверь.
Теперь же Мопс ее в своих руках

Сжимает точно в каменных тисках,
Тот Мопс, с которым даже Муза
Не пожелала заводить союза.

О жалобно поющая свирель,
Проталины, я вашего блаженства не нарушу,
И не раскрою вам горящую душу,
И с декабрем не вторгнусь я в апрель.
И раз уж больше не увижу я
Прекрасной вашей красоты, что в свете дня,
Сияет точно в сумраке ночном
Как блеск ее волос, что светит днем,
И раз уже ею мне не обладать,
Последнее "прости" позвольте вам сказать.

Меня теперь нигде уже не ждут,
На край земли ведет меня мой путь.
К подземным водам Леты я спущусь
И черными волнами унесусь
Туда, где только скорби песнь слышна.
Свирель послушная мне больше не нужна.
Умолкни, вод прибрежных менестрель,
О жалобно поющая свирель.

Любовь и страдание

Любовь, ты помнишь бледный тот закат,
Когда с лугов печальный ветер дул
И словно буйный поворачивал назад,
И в призрачной реке, рыдающий, тонул.
Я знаю, что Природа внемлет нашему страданию
И, внемля, плачет вопреки желанью.

Мы были странники, Судьбы своей не знали,
Нас ожидающей коварно на пути.
Мы не могли найти себе товарища в печали
И не надеялись его в любви найти.
Скорее, с одиночеством готовы обвенчаться
И с ним на веки вечные остаться.

Никто на свете не любил меня.
За что, увы, такого полюбить?
Ведь я — страдания и горести дитя,
И даже мать меня готова позабыть.
И юности моей и радости попытки —
Всего лишь жалкие старания и пытки.

Тогда я щеку приложил к холодному стеклу
И прошептал: "Я с горем обручен.
И жизнь моя что лист, дрожащий на ветру,
Который трепетать и плакать обречен,
Мне стала до того теперь горька,
Что смерть, наверное, окажется легка.

Как я устал от бесконечных дней,
От яркости луны и света звезд,
От солнца, что сияет все сильнее.
Я мог бы умереть, не видеть грез.
Устам моим не смех, а смерть — услада,
Не споры жаркие, а скорбная прохлада".

Так я шептал, не думая о том,
Что кто-то может услышать меня.
Но ты под ивами стояла за окном,
И речь моя встревожила тебя,
И стопы нежные твои траву примяли
В стремлении другого исцелить печали.

Сказала ты: "Мой брат, воздешь глаза,
Тебе сестра я, более несчастна".
Увидел я, что падает слеза,
Что нежное лицо печально и прекрасно,
И я поцеловал волшебные уста,
И сердце вмиг оставила тоска.

Расстались мы у мрачных куполов,
Что на пустынной улице молчали.
Тебя увидел я средь розовых кустов
Лишь на мгновение, и сумерки печали
Мои глаза опять заволокли,
И осень поглотила легкие шаги.

Мы были счастливы? Я знаю, что по мне
Одна лишь осень реквием слагает.
И радость, что рождается во мгле,
Все та же мгла с упорством пожирает,
Взывая: "Посмотри, любовь не может
Здесь жить, ее страдание ничтожит".

Я также знаю — призрачна надежда —
Но все же осень, что печальна и строга,
Не вечна. Зеленеет вновь истлевшая одежда,
И вновь весенним светом полнятся луга.
Поэтому не буду сердце принуждать,
Тебя, любимая, с весною буду ждать.

Могила на острове

Лишь океан и вечер. Медленный мотив
Холодных волн, подобный шелесту одежды,
Что раньше слышен был обоим, ныне слушает один.

Уже спешит к земле и дарит новые надежды
Пронзительный январь с холодными и ясными глазами,
И сыплет снегом, не смыкая вежды,

И возвещает новый год замерзшими слезами.
Случайно здесь тебя он может навестить
И тайный гроб украсить белыми цветами,

Случайно призрачные пальцы может запустить
В прекрасные распущенные волосы твои,
Дитя зимы, что умирает, жизни не успев вкусить.

Уже ль тебе так одиноко в этой сумрачной дали,
Что даже он тебя своим дыханьем остудить не может?
Увы, пока нарцисс не расцветет, терпи,

Я в этом одиночестве с тобою встречусь тоже,
И серая заря сочтет мои наскучившие дни,
И смерть мои страданья подытожит.

Банким Чандра Чаттерджи

Уже ли ты, о месяц радости и счастья, позабыл
Тот голос, что твоей душою был?
Кукушки зов, жужжание пчелы,
Зефиров и дождей прекрасные дары
И легкий смех, и слезы облегченья,
И мысли нежные, достойные сравненья
С жасмином, с лилией и с щебетаньем птиц,
Он сделал достоянием своих страниц.
И книги посвятил свои
Сердцам людским и пению любви.
О властелин восторженного слова!
Цветок прекрасный расцветает снова
В твоих строках, которые звучат
Как бусы женские и гомон милых чад,
Как сладкий смех и как листвы шуршанье,
Что шепчет ветру. Дарят пониманье
Восторга эти строки тем,
Кто в них читает столько нежных тем.
Природа вся — в странице, но не просто шоу,
Мы видим здесь саму людей основу.
О радостной Бенгалии холмы, поля и реки,
О дивная земля любви, цветов и неги,
Весенних птиц и ласковых ветров,
Реальней стала ты от этих слов.
Душа твоя едина с этою душою,
Божественность саму он сравнивал с тобою.
Он добр был и был подобен богу,
Что в свет и счастье проторил дорогу,
И красота его подобна тем цветам,
Которые ложатся на доспехи смельчакам.
Так в наше время, что на подлости богато,
Блаженства лишено, влекомо жаждой злата,
В пустыне посадил он семя розы
Своим прекраснейшим из всех звучаньем прозы.

Сарасвати и лотос

Банким Чандра Чаттерджи. Обиит 1894

О мать, ты плачешь на его груди,
И капли слез твоих как мед чудесный.
Но даже сладость их не в силах возродить
Прелестный свет и аромат небесный.
Питает светлый, ароматный мед
Бессмертные уста того, кто мертв.

Гете

Прекрасное лицо средь варварских оскалов,
Прекрасный голос, что чарует строгой рифмой,
Суровый критик, чья бессмертна слава,
Смиранный путник несравненных ритмов.
Ты силою своей тревожил слабый век.
Ты — немец, а писал как грек.

Павший освободитель

Пифический, пришел он. Под его пятой
Простерта гидра мира с мертвой головой.
Напрасно, потому что колесо Судьбы
Назад не повернуть, и если да кабы...
Но пулю уготовила Судьба,
Поскольку вера женщины слаба.

Мадхусудан Датт

Поэт, ты первый смог изречь
С величием Бенгалии божественную речь.
Божественную, но, скорее, сладкий стон
Златая мать весны, счастливый звон
Любви и пенье птиц небесный
Умела выражать в словах чудесных,
Скорее, ими полнилась молва,
Пока спокойного достоинства слова
(Того достоинства, которое богам присуще,
Звучащее с высоких тронов, всемогуще)
Не прогремели голосом твоим,
Подобные шумам и запахам морским.
Хвала тебе, кто выразить сумел
Дыхание ветров и пенье стрел,
Скитания встревоженных богов,
Хвала, поскольку ты звучанием стихов
Ее богоподобной сделал, а не только нежной.
И все же сердце больше тронута надеждой
Твоих волшебных флейт, и больше Муза
Твоя бродить любила в поисках союза
Не с тронами царей, а с нежной Ситой в роще
Счастливого цветения (что может проще,
Чем голоса Любви звучать и слаще!)
И с Шурпой в Виндхианской чаше
И сердцем радостным своим к земле прижаться
Священной, оттого что могущей в словах прекрасных отражаться.
И больше песни чудные твои
Дарили света, радости, любви.
В них — пенье вешних птиц и лето, и цветы,
И шепот вод, и горькие часы
Ее, божественно любимой.
Еще ничья рука такую силой не была водимой,
Такие звуки — не земли несовершенной,
Скорее, речью рождены священной,
Сам бог на нежной флейте их сыграл,
Сам бог перо брал в руки и писал.

Энвой*

*Ite hinc, Camenae, vos quoque ite jam, sane
Dulces Camenae, nam fatebimur verum
Dulces fuistis, et tamen meas chartas
Revisitote sed pudenter et raro.*

О бледные стихи, увы, напрасно,
Пытаясь в небеса взлететь, махали вы крылами.
Творения эллинской Музы, что прекрасна,
Уродцы, порожденные шестью несчастными годами!

Не вашей матери пугающая ваша красота,
Ведь не ко мне любовь моя вернулась.
Надежда, что влекла писать меня в те юные лета,
Невыносимой мукой обернулась.

Подите ж прочь, живите без меня,
Конечно, если вы способны жить, не причиняйте боли,
Тоскою старой и мечтой маня,
Виденьем красоты, которое я больше не могу себе позволить.

Поскольку не брожу уже в оливах сицилийских
И редко вспоминаю их,
И больше не ишу дорог афинских —
Уже к Парнасу не влечется стих.

Уж Сарасвати позвала меня
В те царства, где снега не тают,
Где Ганг впадает в южные моря,
Тот Ганг, на чьих берегах цветы Эдема расцветают.

* Заключительная строфа поэмы. (Прим. пер.)

Дитя весны

В День Рождения Басанти — Джешта 1900

Весна ее зовут — цветение бутонов.
Сегодня мы хотим хвалу воздать
Весне, чьей радостью наполнена она.
Они похожи, в ней — сама весна,
И без нее весне и не бывать!

Вот лето, яркий свет его
Прилег на поле, реку и дома.
Все изнывает от полуденной жары,
Но что за чудные, счастливые дары
Приносит нам она!

Цветение ее нас удивляет и смущает,
И мы уже о том теперь мечтаем,
Что нежный наш цветок не расцветет весной,
А навсегда останется такой,
Какой ее мы знаем.

И даже если лето к нам придет и осень —
Божественного зрелые сыны,
Я знаю, что она навеки будет с нами
И нас одарит сладкими часами
И радостью весны.

О детская душа, тебя мы обожаем,
Ты нам для этого дана.
Ты — как цветок на сером скучном камне,
И старая земля прекрасными мечтами
Тобой одарена.

В саду у Бога много есть цветов
Сверкающих, напыщенных и ярких.
Тюльпан и роза ярче и сильнее,
Но наш цветок нежнее и милее
И очень мягкий.

И пусть же под осенним проливным дождем
И в свете солнечного лета
Своею красотой порадуешь ты мать
И долг свой нежный будешь исполнять
Любви и цвета.

Когда увидел я твое лицо...

Когда увидел я твое лицо в окне,
Ты сердце, нежная любовь, заморозила мне.
Мои глаза к себе твое окно
Как будто бы волшебной силой привлекло.

Чарующая красота, сама невинность,
Внезапно вздохов наложила на меня повинность.
Гляжу на солнце я, но вижу лишь тебя.
Цветок срываю, в нем тебя любя.

Пытался выволить я душу из твоей ловушки,
Не буду уж пытаться — это не игрушки.
Тебя я тоже заманю в силки
И преподам любви уроки, что приятны, но горьки.

Когда взглянула из окна ты на беснующийся город,
Уже ль из жалости ты захотела сердце взять того, кто молод?
Но ты увидела того, кто над грехом смеется
И жизнь завоевывает всю иль с носом остается.

Тебя вспугну я словно птицу, что над гнездышком порхает.
Узнаешь ты колени жесткие Любви и сердце, что пылает.
Дрожи, прекрасные глаза сомкнуть ты не сумеешь,
Сначала белой станешь на мгновение, потом побагровеешь.

Ефросинья

Дитя прекрасных лет, о Ефросинья,
Ты — птица детства моего и юности богиня!
И если не тебе я гимн слагаю,
А воспеваю Эроса, Аглаю,
Не сетуй на меня, любимая душа.
К непостижимому стремится человек, ища
Своею праздной мыслью пустоту,
Обычной жизни презирая суету.
Так остается невоспетою жена,
Которая ему в страдании и радости верна,
В то время как мечтам поэт слагает песнь.
Но ей их бледный свет неинтересен.
Ведь ей страдания его давно знакомы,
Она смеется над глазами, что туманностью влекомы.
Довольная любовью человеческой своей
Она не собирает урожай с Элизия полей.

Соловей

Впечатление

В деревьях нежный голос соловья
Нарушил тишину прекрасной трелью.
О как прозрачна и прекрасна песнь твоя,
Сравнимая с весеннею капелью!
Она струится радостной водой
Из маленького рта за серую стеной.
Затем звенит среди высокой ржи
Как будто бы отшельник на межи.
Здесь каждый лист твоим пронизан ликованием.
Ночные ветры, укоренные, смиряются твоим дыханьем.

Песнь

Венера, озари меня,
Увенчанная розами богиня,
Твое я повторяю имя,
Увенчанная розами, могуча как моря.

Пусть Грации твои придут,
Подруги быстрые, с тобой,
А с ними шаловливый плут —
Стрелок прекрасный, но слепой.

И сердце женское в ночи
Прошу, чтоб ты пронзить ему велела,
Чтоб быстрая стрела летела!
Пусть крови алые ручьи
Текут из сердца, горячи,
Чтоб жалость к ней тобой не овладела —
Она меня, богиня, не жалела.

Эпиграмма

Когда захочешь время обогнать,
Не стой все время у его начала.
Фантазией не стоит сумку набивать —
Она стремящимся к вершинам не пристала.
Не лучше ли за мудростью идти,
Ведь только ей открыты все пути.

Три призыва Дейфоба

Проснитесь, жители уснувшей Трои,
Вы спите и не знаете, что я уже в объятьях Ада
Погибаю, окруженный вероломной ночью,
Что предала меня врагам коварным.

Троянцы, спите вы, а между тем судьба
Уже крадется возле вашей двери.
Уснете вы в Плутона царстве скоро
Вечным сном, поскольку я один среди врагов
Вкушаю горечь одинокой смерти,
Беспомощный, друзьями позабытый.

Троянцы, снова я взываю к вам!
Скорей на помощь, или Илиону — смерть.

Эпитафия

В ней свет полуденного солнца и полуночной звезды объединились,
И день и ночь навеки примирились.
В ней жизнь и смерть навеки были сочтены Любовью.
Что ж, пала ночь, и свет погас, померк с последнею звездою.

Сомнение

Мир подарками чудесен.
Старым миром нам дано:
Голубь Кипра, Пана песнь,
Вакха сладкое вино.

Что ж, любви, вина и песни
Нет чудесней ничего.
Что же делать только, если
Нет любви, умолкла песнь, скисло старое вино?

Пролог Перигуны

Мои коровы, может показаться вам прохладной ранняя трава,
Росой умытая, но я на ней мечтаю
И слушаю болтливой птицы нежные слова,
И с шепотом холодным Теи их звучанье сочетаю.
Веселый Зефир, чресла обнажив, бежит,
И вы, о ясноглазые питомцы,
С ветрами щедрыми затеяли дружить,
Любимцы вешнего дождя и ласкового солнца.
Ты мне близка, счастливая луна,
Июня мать, сиянием полна.
И Зефир, что ласкает и возносит все,
С тобою нежен, и кукушка, пролетая мимо,
К далеким рощам устремляясь, шлет тебе приветствие свое,
И нежными цветами ты любима.
Но ах, сегодня некое счастливое томленье
Моей груди нарушило ритмичное волненье.
Как будто тайный свет померкнувшего дня,
Как будто легкий Зефир, знающий слова любви,
Их произнес, и в роще соловьи
Их подхватили, радуя меня.
Столь сладостных еще не слышала я нот,
Казалось мне, цветенье их поет.
Произнесенные, они самой Весны раздвинули границы
Изысканным звучанием и заревом зарницы.

Мне не с кем поделиться ими,
Не выразить томленья сладкого в простых словах —
Лишь только с гиацинтом в радостной долине
Да с милою кукушкой в солнечных ветвях —
До наступления осенних резких дней,
Которые с пылающими щеками к земле стремятся,
Уставшей ждать, уж осы суеются
Вокруг поверженных стволов и пней,
И Тея, мать моя, и с ней двенадцать лет кружатся.
С тех пор четыре раза посещения лета
Холмы благословляли счастьем цвета.
Четырежды зима морозила ручьи.
Одна жила с отцом я, и ничьи
Меня не вдохновляли здесь слова.
Зато богатства накопили мы сполна:
Стада плодятся наши, множатся корзины,
В пещерах фрукты скрасят нам скупые зимы.
Недобрая о Синисе, отце моем, молва,
Поэтому никто украсть богатства наши не стремится,
И я могу прекрасными часами насладиться,
Тем занята лишь, что коров дою
Да вволю им в полях бродить даю,
Да собираю их, когда звезда вечерняя восходит.
Все остальное — будто бы в раю.

И счастье здесь само меня находит,
Купает в изумительном потоке,
Сокрытом в камышах зеленых и осоке.

Не нужно нам ни прясть, ни шить, ни ткать,
Поскольку стоит эху разнести
Кареты скрип в горах, везущей знать,
Как мы с отцом уже на полпути.
Никто еще не побеждал отца —
Как в свой веночек былинку я вплетаю,
Сгибает он могучего бойца,
А я тем временем, что нужно, забираю.
Поэтому обширны наши несказанные владенья:
Одежды тонкие и вина сладкие, и быстрые мечи в сияющих оправках,
И золото, и драгоценные камни
В пещерах мы храним как будто в царских залах,
И редкого искусства украшенья.
Но если все богатства эти преходящи,
То лилия извечно расцветает в чаще,
И крокус пламенеет каждою весной,
И соловей всегда поет порой ночной,
Кукушка призывает нас все чаще.
И на холмах мы собираем спелый виноград,
А ночью к звездам устремляем взгляд,
Глаза встречая, полные любви.
Так мирно протекают дни мои.
Могу землей, богатствами и небом обладать.
Чего же можно большего желать!